

УДК 82.091]

DOI: 10.18384/2310-7278-2015-5-113-119

Сытина Ю.Н.*Московский государственный областной университет***ПОВЕСТЬ В.Ф. ОДОЕВСКОГО «НОВЫЙ ГОД» И ОБРАЗ «ВЧЕРАШНЕГО»
РОМАНТИЧЕСКОГО ГЕРОЯ НА СТРАНИЦАХ «ЛИТЕРАТУРНЫХ
ПРИБАВЛЕНИЙ К “РУССКОМУ ИНВАЛИДУ”»**

Аннотация. Изучение повести В.Ф. Одоевского «Новый год» в контексте издания, в котором она была опубликована, – газеты «Литературные прибавления к “Русскому инвалиду”» – позволяет сделать интересные выводы и о взаимосвязи творчества писателя с его временем, и о развитии литературы конца 1830-х годов в целом. В произведениях этого периода всё чаще начинает появляться образ «вчерашнего», в настоящем уже не способного к решительному поступку романтического героя. Слабость эту писатели рассматривают и как характерную черту современной им русской действительности, и как свойство личности вообще, проявляющееся в различные эпохи. Стремление к объективному осмыслению жизни и «героя времени» свидетельствует о движении литературного процесса, постепенном переходе от романтизма к реализму.

Ключевые слова: В.Ф. Одоевский, романтизм, реализм, образ романтического героя, литературный процесс.

Y. Sytina*Moscow Region State University***V. ODOEVSKY'S STORY “NEW YEAR” AND THE IMAGE OF “YESTERDAY”
ROMANTIC HERO ON THE PAGES OF “LITERARY ADDITIONS
TO THE “RUSSIAN INVALID”**

Abstract. V. Odoevsky's “New Year” was published in the newspaper “Literary Additions to the “Russian Invalid” in 1837. The study of this novel in the context of the publication allows to make interesting conclusions about the relationship of the writer with his time, and the development of literature at the end of the 1830s in whole. In the works of this period, more often appears the image of the “yesterday” romantic hero, who is no longer capable of the decisive actions today. Writers regarded this weakness as a characteristic feature of the contemporary Russian reality, and as a quality of an individual in general that manifests itself in different epochs. The tendency of an objective understanding of life and the “hero of time” shows the development of the literary process, the gradual transition from romanticism to realism.

Keywords: V. Odoevsky, romanticism, realism, image of romantic hero, literary process.

С 1837 года при активном участии В.Ф. Одоевского издание «Литературных прибавлений к “Русскому инвалиду”» перешло к А.А. Краевскому. В первом же, программном номере газеты, в соседстве с «Аквилоном» А.С. Пушкина была опубликована повесть В.Ф. Одоевского «Новый год». Исследователи отмечают автобиографический характер этого произведения, отразившего «постепенное охлаждение пылких порывов романтиков-любомудров» [9, с. 347]. По мнению В.И. Сахарова, «повесть Одоевского можно рассматривать как своего рода предтечу знаменитого романа И. Гончарова “Обыкновенная история”, где также показано разочарование и перерождение романтика, столкнувшегося с прозой жизни» [9, с. 347].

П.Н. Сакулин ставит «Новый год» «во главе бытовой беллетристики» Одоевского как «небольшой, но в высшей степени содержательный рассказ» [8, с. 102]. В самом деле, на нескольких страницах «Нового года» поднимается множество разнообразных вопросов: о смысле жизни и её быстротечности, подлинности и псевдости бытия, столкновении высоких идеалов и грубой действительности, «обыкновенной истории» гибели юношеских надежд и погружения души в тину повседневности, о соотношении истинного творчества и ремесленничества... Богатство проблематики отнюдь не случайно. Как отмечает тот же П.Н. Сакулин, «в бытовой беллетристике Одоевского быт никогда не служит самодовлеющей целью, Одоевский всякий раз как бы спрашивает себя, насколько данный факт удовлетворяет общему идеалу жизни» [8, с. 102].

Видение бытия в быте вообще характерно для русской литературы 1830-

годов, эта черта становится важной составляющей и при эстетической оценке произведений. Например, один из авторов «Литературных прибавлений...» писал о Г.В. Бенедиктове: он «обладает всем тем, что нужно поэту: он умеет сильно чувствовать и глубоко мыслить: может во всяком предмете вещественного мира видеть преобразование чего-то духовного, невещественного; это, можно сказать, составляет главнейшую его квалификацию и ручается за силу творческой фантазии» (курсив «Литературных прибавлений...»). [6, с. 289-290]. В 1840-е годы «натуральная школа» временно поставит быт над бытием, но пока ещё мало что предвещает такие преобразования.

В центре повести Одоевского «Новый год» – проблема личности, её подлинности и значимости. Произведение это состоит из трёх «действий», события в которых разворачиваются в праздничные ночи, отделённые друг от друга несколькими годами. Каждая последующая глава короче предыдущей, и все меньше появляется в ней персонажей, неизменными из которых остаются только двое – рассказчик и главный герой Вячеслав.

Действие I открывается картиной весёлой студенческой жизни «накануне Нового года в маленькой комнатке Вячеслава на третьем этаже» [2, с. 4], где чудом помещалось человек двенадцать. Рассказчик говорит о гостеприимном хозяине: «Вячеслав <...> был душою нашего общества: он нампреважно доказал, что Новый год непременно должно начать чем-нибудь дельным <...>. От близкой работы мы перешли к отдалённой: все отрасли деятельности были разобраны <...>. Мы верили себе и другим, ибо мысли наши

были чисты и сердце не знало расчётов» [2, с. 5]. Строки этого «действия» дышат восторгом живой жизни, юности, великих начинаний: «Беседа была весёлая. <...> Сколько планов, сколько мечтаний, сколько самонадеянности и – сколько благородства! Счастливое время! Где ты?..» [2, с. 5]. Последний вопрос вносит ноту тревожности в повествование о счастливой юности, и недаром: он сторичей отзовется в последующих главах, после того как друзей захватит вихрь жизни и определит их на разные поприща.

Действие II переносится из первопрестольной в подмосковное имение Вячеслава. Место шумных дружеских криков и восторгов заступает тихая идиллия семейной жизни. Из былых товарищей здесь только двое: рассказчик и Вячеслав, что же до других друзей юности, то «кто погиб славною смертью на поле брани, кто умер не менее славною смертью, изнурённый кабинетным трудом и ночами без сна; <...> половины уже не существовало в сём мире!» [2, с. 6].

О себе рассказчик говорит только, что судьба в истекшие годы носила его «по разным странам». Изменилась и жизнь Вячеслава. Все тщания и надежды героя перенеслись теперь на сына: «Моё время прошло. <...> но то, чего я не успел доделать в себе, то постараюсь докончить в нём, – прибавил Вячеслав, указывая на колыбель, – здесь моя настоящая деятельность, здесь мои юношеские силы, здесь надежды на будущее» [2, с. 6]. И хотя герой распрощался с великими планами, семейный уют его очага, внешняя гармония, подчинённая строгому порядку, надолго оставляют в душе рассказчика «сладкое и невыразимое чувство» [2, с. 6].

Третье действие разворачивается ещё дальше от Москвы – в городе П. Тесную комнатку первой главы и уютное семейное гнёздышко второй теперь сменяет богатый дом с важным швейцаром. Этот Новый год Вячеслав собирается встречать не дома, и рассказчик застаёт старого друга за последними хлопотами перед отъездом:

– Я бы как-нибудь отделался. Ты не знаешь, что такое здешняя жизнь... *прикрепи эту пуклю...* ни одной минуты для себя, *не успеваешь жить и не чувствуешь, как живёшь...*

<...>

– Верю, верю; какое-нибудь важное дело...

– Какое дело! Я дал слово князю Б. на партию виста... перчатки... он человек, от которого многое зависит, – нельзя отказаться. Ах, как бы хорошо нам встретить Новый год по старине, вспомнить былое... *шляпу...*

(курсив мой. – Ю. С.) [2, с. 6].

Хотя Вячеслав и жалуется, что не чувствует, как живёт в бешеном темпе светской, вечно суетной и совершенно пустой действительности, но в словах героя нет подлинного сожаления, нет желания измениться. Жизнь Вячеслава лишена внутреннего содержания и буквально напоминает маскарад. «Былое» для него равнозначно шляпе, вернее, даже бесполезнее её – ведь нельзя же ехать к князю Б. не при полном параде, поскольку от него «многое зависит». Но что это «многое»? Может быть, это важно для будущего сына Вячеслава? Как бы в ответ на возникающий у читателя вопрос на сцене появляется сын:

– Adieu, para.

– А, ты уж возвратился? весел ли был ваш маскарад? Ну, прощай, ложись спать... затяни ещё шнурок... Бог с тобою. Ах, Боже мой, уже половина двенадцатого... прощай, моя душа! Помнишь, как мы живали! Карету, карету!.. [2, с. 6]

Становится ясно, что в лету канули не только возвышенные мечты юности, но и планы уже умудрённой, казалось бы, зрелости. Последнее восклицание Вячеслава звучит как аллюзия на возглас Чацкого «Карету мне, карету!» [1, с. 122]. Но если грибоедовский герой рвался прочь от светского омота, то Вячеслав, напротив, погружается в него с головой, едет уже не с бала, а на бал. В таком контексте слова Вячеслава предстают как безотчётное, искажённое эхо минувшего. Предательство им высоких идеалов юности благодаря намёку на «Горе от ума» становится ещё очевиднее и горестнее, поскольку в действии I Одоевский завуалированно описывает литературную полемику 1820-х годов, особо сильно разгоревшуюся как раз вокруг комедии А.С. Грибоедова – произведения, с восторгом встреченного любомудрами.

Другой неизменный герой «Нового года» – безымянный рассказчик. С самого начала он пытается самоустраниться и смиренно говорит, что судьба его не интересна: «Что может быть любопытного в жизни человека, который на сём свете ровно ничего не делал!» [2, с. 4]. Характерен и подзаголовок повести – «из записок ленивца». Однако в то же время рассказчик добавляет: «Я чувствовал, я страдал, я думал за других, о других и для других. Пишу свои записки, перечитываю и

не нахожу в них только одного: самого себя» [2, с. 4]. На протяжении повести он действительно не совершает поступков и только вскользь упоминает о своей бесприютной доле, невольно противопоставляя себе, «несуществующему», блистательного и яркого Вячеслава. Однако если главный герой идёт по лестнице нисхождения, прочь с гордого Парнаса в грешный мир и суетолоку повседневности, то рассказчик остаётся неизменным и искренним от действия к действию. И тем разительнее калейдоскоп его окружения: шумная студенческая пирушка сменяется полным одиночеством – последний Новый год повествователь встречает «один, перед кувшином зельцерской воды, в гостинице для проезжающих» [2, с. 6]. Через самоотрицание рассказчика проступает подлинность, однако и она оборачивается слабостью, бессилием, изначальным отказом от собственной жизни. Скитальчество героя бесплодно, в конце ему остаются только тихая грусть о прошедшем и дальняя дорога впереди.

И Вячеслав, и рассказчик прощаются с романтическими мечтами юности. Первый, ещё недавно уверенный в великом своём назначении и необыкновенной судьбе, смело бросавший вызов пошлости и расчётливости «толпы», теперь сам стал типичным её представителем. Второй же, сохранив, быть может, чистоту души, оказался на обочине жизни. Образы подобных «вчерашних» романтических героев не редкость в «Литературных прибавлениях...», что красноречиво свидетельствует о самом духе времени. Тема эта была подсказана окружающей жизнью, трезвлением от романтического максимализма и развитием реализма.

Она нашла выражение и в посвящённой Одоевскому повести В.А. Соллогуба «Серёжа», также опубликованной в «Литературных прибавлениях...».

В этом «лоскутке из вседневной жизни» появляется образ типичного петербургского франта. Главная черта Серёжи, роднящая его с рассказчиком «Нового года» Одоевского, – «бесхарактерность» [6, с. 285]. **Учившись «понемногу чему-нибудь и как-нибудь»** [7, с. 10], герой В.А. Соллогуба «читал всего Бальзака и слышал о Шекспире» [6, с. 281], **имел «понятие об английском парламенте, о крепости Бильбао, о свекловичном сахаре, о паровых каретах и о лорде Лондондери»**. Даже и социальная роль Серёжи выглядит неопределенно – он «человек военный, хотя не то чтобы военный человек», просто «добрый малый, гвардейский щёголь» [6, с. 281].

Очувтившись в тихой деревне после оглушающего шума столицы, Серёжа скуки ради начинает регулярно бывать у соседей Карпентовых. Романтические узы всё более и более связывают героя со старшей из соседских дочерей – Олимпиадой. Серёжа признаётся ей в любви и в порыве благородства решает пожертвовать блеском петербургских балов и театральных лож – клятвенно обещает девушке завтра же сделать официальное предложение руки и сердца. Но в тот же день из Петербурга внезапно приезжает его друг Саша – и провинциальную мечтательность мгновенно развеивает цинизм большого света. «Чего доброго, не влюблён ли ты в какую-нибудь птичницу?» [6, с. 286] – с усмешкой спрашивает Саша. И Серёжа уезжает в Петербург, даже не простившись с любимой девушкой, в полной уверен-

ности, что та вскоре умрёт от горя. Идиллически-насмешливые картины провинции сменяют холодно-иронические зарисовки великосветской столичной жизни: «Летит время. Всё то же да то же: ноги устали, сердце пусто, мыслей мало, чувства нет» [6, с. 286].

В душу Серёжи постепенно закрадываются сомнения в правильности своего поступка, он начинает понимать, что «променял счастье жизни на приманки малодушного тщеславия» [6, с. 287]. **Мучит его и мысль о печальной судьбе бедной девушки, которая, по слухам, «чахла и страдала после его отъезда и, вероятно, давно уж умерла»** [6, с. 287]. Однако «угрызения совести» делают жизнь Серёжи интереснее: «Он уважал в себе человека, сделавшегося некоторым образом преступным, и вспоминал о любви своей к Олимпиаде, как о самой светлой точке своей жизни, утонувшей навеки в бессмысленном тумане его настоящего бытия» [6, с. 287]. Однако и с этим убеждением герою предстояло распрощаться. Как и в «Новом годе» Одоевского для рассказчика, воспоминания оказываются для Серёжи спасительным стержнем, залогом надежды, но и они разбиваются, оборачиваясь окончательным разочарованием и одиночеством.

Однажды Серёжа получает письмо от Олимпиады, из которого следует, что «чувствительная» девушка не только не зачахла с тоски по нему, но даже вскоре вышла замуж, живёт теперь в «счастливом супружестве» и «была бы довольна судьбою», если бы муж её, «отставной армии штабс-капитан», не был несправедливо обойдён по службе. Теперь же, «зная всегдашнее расположение» [6, с. 287] **Серёжи к их семейству и его связи в высшем столичном**

кругу, Олимпиада решила просить героя похлопотать о скорейшем присуждении супругу её ордена. «Бедный Серёжа!» – восклицает рассказчик. «Одна минута поэзии <...> была в моей жизни, и та была горькой глупостью!» [6, с. 288], – невесело заключает героиня.

Мельчание людей и жизни стало центральной темой «были, может быть, с примесью небылицы» Д.Ю. Струйского «Преобразование» – ещё одной публикации «Литературных прибавлений...» той поры. Характерен эпиграф к произведению: «Поверьте мне, мм. гг., во всем виноват Жак-Жак-Руссо (*Любимая поговорка N.N.*)» [3, с. 367]. Привитые на русской почве идеи западноевропейских мыслителей, по мысли автора, приносят странные плоды, прибавляя искусственности, умозрачности, разрушая гармонию.

Само название повести – «Преобразование» – сразу же задаёт тему перемены, и оцениваются происходящие изменения неоднозначно: «Кто не слышал о Муромских лесах, где некогда свистал Соловей-Разбойник? <...> Прежде муромские леса были непроходимы <...>. Теперь проезжающий покойно спит, не отслужив молебна перед въездом в Муромский лес, как то бывало встарь» [3, с. 367]. Комфорт и безопасность, по мысли автора, безусловно, делают быт стабильнее и безопаснее, но обратная сторона этого процесса – вытеснение из жизни красоты и поэзии, истончение духовного содержания.

Меняется мир, меняется и человек в этом мире. Любовная история в «Преобразовании» становится грустной пародией на романтический сюжет о мёртвом женихе, даже после смерти любящем свою невесту и жаждущем

соединиться с ней. Сюжет этот широко распространён в фольклоре (святочные рассказы, предания) и литературе (Г.А. Бюргер, Ф. Шиллер, В.А. Жуковский, М.Ю. Лермонтов, К.Н. Батюшков, Д.В. Веневитинов, Е.А. Боратынский). Героиня Д.Ю. Струйского Софья ждёт своего жениха Николая, воюющего в страшной войне 1812 года. Но, очутившись в столице, эта провинциалка «в два-три месяца преобразилась в городскую красавицу», которая легко «согласует свою любовь к Николаю с ненасытным желанием блистать в обществах» [4, с. 389]. За девушкой всерьёз начинает ухаживать полковник Скалозуб, почему-то оказавшийся не на фронте. Но вот однажды на балу появляется незнакомый человек в маске, и, когда Скалозуб срывает эту маску, перед изумлённой публикой предстаёт «бледное лицо, иссечённое, с кривою челюстью и вперёд выдавшимися зубами» [4, с. 389]. Дамы поднимают крик, воображая, что «скелет, оставив свой гробовой ночлег, пришёл на бал танцевать с ними французскую кадрили» [4, с. 389]. Софья же, узнав в пришельце жениха своего Николая, лишается чувств. До этого момента действие развивается вполне в духе романтической баллады, однако если в «Госте» М.Ю. Лермонтова, например, далее следует страшное возмездие «деве красоты», легкомысленно изменившей данной ею клятве верности, – жених-мертвец увлекает её с собой под землю, то у Д.Ю. Струйского всё разрешается мирно – Скалозуб трусит, уговаривает Николая отказаться и от невесты, и от дуэли. И тот соглашается, удаляется от света, посвящает жизнь наукам и изящным искусствам: «Поэзия была его дружбою, а музыка

любовью» [4, с. 389]. Романтический герой бежит в мир мечты, к деятельности же, к сильному поступку в реальном мире он оказывается более не способен. И если Вячеслав из «Нового года» действует в противоположность Чацкому, требуя карету, чтобы ехать в ставшее для него необходимым «фамусовское» общество, а не возмущённо уезжать от светской пустоты прочь, то Николай из «Преобразования» предстаёт как пародия на романтического персонажа любовной баллады.

Но почему же силам и талантам героев суждено погибнуть? П.Н. Сакулин, рассуждая о повести Одоевского «Новый год», делает акцент на социальной подоплёке конфликта романтика с бездуховным обществом. По мнению исследователя, в повести Одоевского «просто и правдиво передана история постепенной убыли души, скрытая драма идеалиста среди пошлых условий русской жизни» [8, с. 102]. Однако только ли жизнь в царской России заглушает лучшие устремления личности?

Слабость героя, его неспособность к поступку предстаёт в глазах авторов «Литературных прибавлений...» и как характерная черта современного им времени, и как свойство личности вообще, проявляющееся в различные эпохи. В рецензии на постановку «Гамлета» У. Шекспира Одоевский, размышляя о главном герое, соглашается с мнением И.В. Гёте: «Шекспир хотел изобразить человека, на которого возложено великое дело, но которое ему

не по силам. <...> всякий долг для Гамлета свят, но этот слишком тяжёл» [5, с. 437].

Образ «вчерашнего» романтического героя, сегодня даже и не разочарованного, даже и не предавшегося хандре и байронизму, но просто погрузившегося в прозу жизни и повседневность, всё больше проникает на страницы художественных произведений. Этот образ отвечает и самому духу времени, живой жизни 1830-х годов, и общему вектору развития искусства от романтизма к реализму, служит предтечей для появления героев И.А. Гончарова, И.С. Тургенева, А.И. Герцена.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Грибоедов А.С. Полное собр. соч.: В 3 т. Т. 1. СПб.: Нотабене, 1995. 345 с.
2. Литературные прибавления к «Русскому инвалиду» за 1837 г. № 1. С. 1-8.
3. Литературные прибавления к «Русскому инвалиду» за 1837 г. № 38. С. 367-375.
4. Литературные прибавления к «Русскому инвалиду» за 1837 г. № 40. С. 387-396.
5. Литературные прибавления к «Русскому инвалиду» за 1837 г. № 45. С. 437-446.
6. Литературные прибавления к «Русскому инвалиду» за 1838 г. № 15. С. 281-300.
7. Пушкин А.С. Полное собр. соч.: В 10 т. Т. 5. Л.: Наука. 1978. 527 с.
8. Сакулин П.Н. Из истории русского идеализма. Кн. В.Ф. Одоевский. Мыслитель-писатель: В 2 т. Т. 2. М. 1913. 480 с.
9. Сахаров В.И. Комментарии // Одоевский В.Ф. Соч. в 2-х т. Т. 2. М.: Худ. лит. 1981. С. 345-364.